http://www.zabvektor.com ISSN 2542-0038 (Online) ISSN 1996-7853

УДК 81'36 + 81'42
DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-5-23-31

Залина Руслановна Дохова[1],
кандидат филологических наук, доцент,
Кабардино-Балкарский государственный университет
им. Х. М. Бербекова
(360004, Россия, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173),
e-mail: dohovaz@mail.ru

Руслан Хаталиевич Урусов[2],
старший преподаватель,
Кабардино-Балкарский государственный университет
им. Х. М. Бербекова
(360004, Россия, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173),
e-mail: urkbr07@mail.ru

Языковая модель «глокой куздры» Л. В. Щербы (на материале лингвистической сказки «Пуськи бятые» Л. С. Петрушевской)

В статье рассматривается языковая модель Л. В. Щербы, иллюстрирующая значимую роль грамматической формы и грамматических категорий в языке. Актуальность лингвистической концепции «глокой куздры», демонстрирующей функциональный научный подход к описанию языковых единиц, который опирается на смысловую организацию языка, обусловлена созданием в современном художественном прозаическом дискурсе «заумных» лексем, материализующих анализируемый в работе филологический феномен. Ярким доказательством может выступить достаточно широкий диапазон новообразований, репрезентованных в цикле лингвистических сказок Л. С. Петрушевской, одна из которых и явилась материалом исследования. Изученные языковые единицы позволили выделить такие основные способы образования реализуемых писательницей индивидуально-авторских окказионализмов, как *глоссолалию* и *экспериментальное словотворчество ad libitum.* Созданные в результате языковой игры квазилексемы наиболее полно активизируют языковую системность посредством грамматики. Новизна исследования видится в том, что предложен детальный лингвистический анализ всех окказиональных лексоидов, встречающихся в «новом» тексте, с точки зрения грамматического и лексического значений. Кроме того, даётся своя семантическая интерпретация рассматриваемого дискурса, которая имеет гипотетический характер в связи с тем, что представляет субъективное видение поднятого в работе вопроса.

***Ключевые слова*:** языковая модель, грамматическая форма, окказиональное образование, глоссолалия, экспериментальное словотворчество, грамматическое/лексическое значение

Введение. В центре внимания языкознания всегда были и будут вопросы, связанные с грамматической организацией языка. Как известно, грамматика – раздел языковедения, исследующий грамматические законы языка, являющий собой синтез словообразования, морфологии и синтаксиса – взаимообусловленных, переплетённых отраслей знания. Её становление как науки и последующее изучение имеет достаточно основательную историю. Бесспорно, следует обратить внимание на сформировавшиеся ещё многие десятилетия назад и в разное время сменяющие друг друга научные подходы к изучению одного объекта – формальный и функциональный. «Под формальной грамматикой понимается описание грамматического строя языка, идущее от формы к значению. Под функциональной грамматикой – описание, идущее от значения к выражающим его формам»[3]. Формирование данных установок связано с осознанием рядом учёных важности семантики грамматических явлений и с признанием другими лингвистами доминантой при изучении языковых категорий внешнего, формального синтаксиса с присущими ему преобразованиями.

Методология и методы исследования. Огромный вклад в становление функциональной грамматики, имеющей «объектом изучения функции единиц строя языка и закономерности их функционирования», рассматривающей в одной системе средства, которые относятся к разным ярусам языка, но объединяются на базе «общности их семантических функций»[4], внёс И. А. Бодуэн де

[1] З. Р. Дохова осуществляет анализ, систематизацию материала исследования, оформление статьи.
[2] Р. Х. Урусов осуществляет анализ материала исследования, оформление статьи.
[3] Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов. энцикл., 1990. – С. 114.
[4] Там же. – С. 565.

© Дохова З. Р., Урусов Р. Х., 2018

Куртенэ. В его концепции количественности в языковом мышлении, имеющей иные способы представления, нежели алгебраическая количественность, чётко прослеживается принцип «от значения к форме» [1]. Дальнейшему формированию и развитию идей функциональной организации грамматического строя языка содействовал русский лингвист Л. В. Щерба, который обратил внимание на отличительные особенности «пассивной» и «активной» грамматики. В одном из своих трудов он наметил основные направления перестройки платформы грамматических явлений – борьбу с психологизмом и формализмом, действенность [14; 15, с. 74–77]. По мнению учёного, первостепенную роль в процессе активного усвоения системы языка должен играть смысл, а не форма, хотя одно без другого и не существует. Именно благодаря его трудам антиномия двух научных направлений «от формы к содержанию» – «от содержания к форме» стала наиболее очевидной, обозначенной.

Цель исследования заключается в рассмотрении действенности языковой модели Л. В. Щербы, разработанной в русле функциональной грамматики.

Для достижения поставленной цели следует решить следующие *теоретические* и *прикладные задачи*: рассмотреть степень изученности анализируемой в статье проблемы; изучить аспекты исследования прозы Л. С. Петрушевской в отечественной науке; обосновать значимость грамматических законов языка, существенность аффиксов при установлении семантики слова; проанализировать грамматическую организацию конкретного прозаического дискурса с целью выявления специфики составляющих его «новых» лексем.

Выбор *методов* и *приёмов исследования* предопределён спецификой цели и задач работы. В ней реализованы как общенаучные (наблюдение, анализ, синтез, моделирование), так и частнонаучные методы (аналитико-описательный метод, метод непосредственных составляющих).

В качестве *материала изучения* выступает лингвистическая сказка «Пуськи бятые» Л. С. Петрушевской, основным и единственным способом истолкования которой является взаимодействие грамматических единиц, лексики и контекста.

К постановке проблемы. Проанализированная литература свидетельствует о том, что Л. В. Щербу часто называют «формалистом». Это связано с его идеей крайней важности изучения грамматики при описании любого языка: «В языке есть нечто, подобное определённым цифрам, определённым величинам. Например, наши слова. Но в языке есть и что-то похожее на алгебраические или геометрические законы. Это что-то – грамматика языка» [15, с. 249]. Действительно, язык не может представлять собой обособленный словарный состав без его грамматического наполнения, так как лексема – маркёр грамматического значения.

Окказионально-текстовые знаки Л. В. Щербы являются предметом изучения и современного языкознания [2; 5; 9; 10; 13].

Созданная лингвистом модель «глокой куздры» – обоснование значимости грамматических законов языка, существенности аффиксов при установлении семантики, контекстуальной коннотации слова. Языковед придумал фразу, состоящую из несуществующих в языке, ничего не значащих корневых морфем и вполне реальных аффиксов, которые «превратили… корни в макеты, в “чучела” слов…» [15, с. 249], то есть префиксы, суффиксы, окончания – «незаметные труженики языка», по словам Л. В. Щербы, наполнили искусственное предложение смыслом. «Это они делают язык языком. По ним мы судим о родстве между языками. Потому что они-то и есть грамматика, а грамматика – это и есть язык» [Там же].

Предложенная Щербой конструкция, состоящая из так называемых лексоидов, получила широкое распространение: «Как латынь была “паролем” учёных, так эта конструкция превратилась в “пароль” филологов» [12, с. 8].

Актуальность исследования заключается в конструктивности в современной науке о языке предложенной Л. В. Щербой языковой концепции, обнаруживающей сущность функционального научного подхода к описанию языковых единиц, что подтверждается частой реализацией в прозе последних десятилетий «сюрных» лексем, смысл которых можно выявить, только проанализировав их грамматическую организацию. В частности, лингвистические сказки Л. С. Петрушевской представляют собой сочетание окказиональных образований – несуществующих слов (исключая служебные части речи). Современная писательница при создании новых слов реализует 2 основных приёма – *глоссолалию* и *экспериментальное словотворчество ad libitum*. Первый способ – *глоссолалия*, берущая своё начало в религии как дар произнесения проповеди на не знакомых священнослужителю иностранных языках. Со временем семанти-

ческое поле значения данного понятия расширяется: «1. *Мед.* Расстройство речи, проявляющееся в произнесении бессмысленных сочетаний звуков при сохранении ритма, темпа речи. 2. *Книжн.* Магические заклинательные, пророческие звукосочетания»[1]. Второй метод образования окказионализмов в дискурсе Петрушевской – *экспериментальное словотворчество ad libitum*, под которым понимается создание с учётом авторского пожелания новых нестандартных, самобытных слов по малопродуктивным моделям.

Изучению сказок Л. Петрушевской с разных позиций посвящены многие работы. Так, система заглавий сказок Л. Петрушевской и литературная сказка в её творчестве рассматривается Г. А. Мехралиевой [3; 4]. Как объект редактирования описывают лингвистическую сказку «Пуськи бятые» И. С. Назметдинова и О. К. Ильинская [6]. Проблема поэтики сказок Л. С. Петрушевской раскрывается в диссертации Ю. В. Павловой [7]. Проза Л. Петрушевской как система дискурсов представлена в диссертационном исследовании Т. Г. Прохоровой [8]. Однако среди данных научных изысканий, посвящённых штудированию творчества Л. С. Петрушевской, нет ни одного исследования, в основе которого – лингвистический анализ всех окказиональных лексоидов, встречающихся в «новом» тексте данной писательницы, с позиции их грамматического и лексического значений. Кроме того, в статью нами введено понятие *экспериментальное словотворчество ad libitum,* которое имеет свою трактовку. Включение этой языковой категории в научный оборот представляется целесообразным в связи с тем, что она дополняет существующую в науке терминологию в области словообразования. В этом и заключается ***новизна исследования.***

Языковой анализ. Охарактеризуем каждую лексему с точки зрения грамматического значения (ГЗ) и попытаемся выявить её контекстуальное лексическое значение (ЛЗ). Несколько раз встречающиеся в тексте слова будут проанализированы единожды (в инвариантах будут обозначены только те грамматические категории и та семантика, в которых они разнятся). Следует обозначить, что произведённое в работе описание языковых единиц и категорий – своеобразная гипотеза, так как это исследование – субъективное предположение, индивидуальное видение рассматриваемого вопроса.

[1] Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с. – С. 208.

Анализ проблемы проведён на лингвистическом уровне в русле научной грамматики.

1. Сяпала Калуша с Калушатами по напушке.

Сяпала – ***ГЗ*** – глагол (гл.) (сяпать), о чём свидетельствует заключённая в нём семантика действия, а именно – движения (что делала?). Подтверждением служит суффикс -А, выражающий значение отвлечённо-длительного способа действия и раньше встречавшийся только в формах прошедшего времени. Это спрягаемая форма. *Постоянные признаки* (*ПП*) – несов. вид, I спряжение (сяпать), невозвратный; *непостоянные признаки* (*НП*) – изъяв. накл., прош. вр. (формообразующий суффикс прош. вр. изъяв. и сослаг. накл. -Л-), ед. ч. (флексия -А), ж. р. (флексия -А); синтаксическая функция в предложении – предикат (сказуемое). ***ЛЗ*** – данное слово созвучно с гл. *чапать* (*разг.-сниж.* – идти (обычно с трудом, медленно)[2] в искажённой форме, присущей детской речи. Отсюда можно предположить и ЛЗ *сяпать* – «*идти*», что диктуется контекстом. ***Калуша*** – ***ГЗ*** – существительное (сущ.) (калуша), подтверждением чему служит значение предмета. *ПП* – собственное имя сущ. (графическое оформление – прописная буква), одушевлённое (во мн. ч. совпадают формы Р. п. и В. п.), ж. р. (флексия -А в словоформе сяпалА), 2-е скл. (флексия ж. р. -А); *НП* – ед. ч., Им. п., на что указывает флексия -А и семантика «деятель», «производитель действия», соответственно, синтаксическая роль в предложении – подлежащее (субъект). ***ЛЗ*** – анализируемая лексема представляет собой фонемо-графическое видоизменение слова *клуша* – «курица-наседка»[3] путём добавления в корневую морфему КЛУШ- гласной А (предположительно это обозначение графемы «К» – «КА»). Следовательно, можно сделать вывод о том, что это живое существо женского пола (класс позвоночных животных, птица), обладающее репродуктивной функцией (устанавливается по контексту наличием слова *«калушата»*); взрослая особь. …***(с) калушатами*** – ***ГЗ*** – сущ. (калушата), подтверждением чему служит значение предмета. *ПП* – нарицательное сущ. (графическое оформление – строчная буква), одушевлённое (совпадение Р. п. и В. п.); *НП* – мн. ч. (калушонок – калушата), Тв. п. (флексия -АМИ и значение «с кем производится действие»), следовательно, синтаксическая функция – дополнение. ***ЛЗ*** – «детёныши калуши», соответственно, «птенцы»: корневая морфема «калуша»

[2] Там же. – С. 1467.

[3] Там же. – С. 434.

(= клуша) + аффикс «-АТ-», имеющий значение «детёныши» (-АТ-/-ЯТ-: ср. со словами ягнята, медвежата): «Существительные с суф. -онок; во мн. ч. -ат(а)/-чат(а) называют лицо или животное, характеризующееся детскостью, невзрослостью»[1]. …***(по) напушке*** – ***ГЗ*** – сущ. (напушка), что диктуется значением предмета. *ПП* – нарицательное имя сущ. (графическое оформление – строчная буква), неодушевлённое (совпадение форм И. п. и В. п.), ж. р. (флексия начальной формы -А), 2-е скл. (флексия ж. р. -А); *НП* – ед. ч., Д. п., на что указывает флексия -Е и объектно-обстоятельственное значение; синтаксическая функция – дополнение. ***ЛЗ*** – описываемая единица созвучна с искажённым словом «опушка», одним из значений которого является «край леса»[2].

2. И увазила бутявку, и волит:

Увазила – ***ГЗ*** – гл. (увазить), о чём свидетельствует заключённая в нём семантика действия, а именно процесс (что сделала?). Это спрягаемая форма. *ПП* – сов. вид, II спряжение (инфинитив – увазить), невозвратный гл.; *НП* – изъяв. накл., прош. вр. (формообразующий суффикс прош. вр. изъяв. и сослаг. накл. -Л-), ед. ч. (флексия -А), ж. р. (флексия -А); синтаксическая функция в предложении – предикат (сказуемое). ***ЛЗ*** – данное слово созвучно с гл. *увидеть* – «воспринять зрением»[3] в искаженной форме, присущей детской речи. Следует обратить внимание и на историческое соответствие перехода, согласно закону открытого слога, праславянского сочетания dj в ж/жд – увиЖу = увиЗю (в детской речи происходит смягчение постоянно твёрдого согласного). Отсюда возможно предположить и лексическое значение *увазила* – «*восприняла зрением*», что диктуется контекстом. ***Бутявку*** – ***ГЗ*** – сущ. (бутявка), подтверждением чему служит значение предмета (одушевлённого). *ПП* – нарицательное имя сущ. (графическое оформление – строчная буква), одушевлённое (контекстуальное определение – «увазила (кого?) бутявку», Р. п. = В. п.), ж. р. (флексия -А), 2-е скл.(флексия ж. р. -А); *НП* – ед. ч., В. п., на что указывает флексия -У и объектное значение, семантика «тот, на кого направлено действие», соответственно, синтаксическая роль в предложении – дополнение. ***ЛЗ*** – ср. с «букашка». Следовательно, можно сделать вывод о том, что это живое существо – насекомое – представитель класса беспозвоночных членистоногих животных. ***Волит*** – ***ГЗ*** – гл. (волить), о чём свидетельствует заключённая в нём семантика действия, а именно «совершать действие, свойственное тому, что названо в исходном слове» (что делает?). Подтверждением служит суффикс **-И**, выражающий данное значение. Это спрягаемая форма. *ПП* – несов. вид, II спряжение (инфинитив – волить), невозвратный гл.; *НП* – изъяв. накл., наст. вр. (называемое действие происходит в момент речи; флексия -ИТ), 3-е л., ед. ч. (флексия -ИТ), ж. р. (контекст); синтаксическая функция в предложении – предикат (сказуемое). ***ЛЗ*** – данное слово созвучно с гл. *говорить* – «выражать словесно мысли, мнения, сообщать; вести беседу, разговаривать»[4] в искажённой форме. Отмечается сокращение и смягчение, присущие детской речи: ср. «говорит» – «говолит» – «волит». Отсюда возможно предположить и лексическое значение *волить* – «*сообщать*».

3. – Калушата! Калушаточки! Бутявка!

Калушата – см. предложение № 1 + отличительные особенности: Им. п., на что указывает флексия -А и субъектное значение; синтаксическая роль в предложении – обращение. ***Калушаточки*** – от предыдущего слова данная словоформа отличается наличием суффикса субъективной оценки -ОЧК, который придаёт слову уменьшительно-ласкательную коннотацию и передаёт доброжелательное отношение говорящего к предмету речи. ***Бутявка*** – см. предложение № 2. Отличительные особенности: Им. п. (флексия -А); реализуемая синтаксическая функция – подлежащее.

4. Калушата присяпали и бутявку стрямкали.

Калушата – см. предложение № 3. Отличительная особенность: синтаксическая функция – подлежащее. ***Присяпали*** – образовано от гл. сяпать + приставка ПРИ– со значением «приближения». Разбор лексемы *сяпала* см. в предложении № 1. Отличительные особенности: сов. вид, 3-е л. (по контексту), мн. ч. (флексия -И); ЛЗ *присяпать* – «*прийти*». ***Бутявку*** – см. предложение № 2. ***Стрямкали*** – ***ГЗ*** – гл. (стрямкать), о чём свидетельствует заключённая в нём семантика действия, а именно процесс (что сделали?). Это спрягаемая форма. *ПП* – сов. вид,

[1] Русская грамматика: в 2 т. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / редкол. Н. Ю. Шведова [и др.]. – М.: Наука, 1980. – С. 204.

[2] Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с. – С. 722.

[3] Там же. – С. 1367.

[4] Там же.

I спряжение (инфинитив – стрямкать), невозвратный гл.; *НП* – изъяв. накл., прош. вр. (формообразующий суффикс прош. вр. изъяв. и сослаг. накл. -Л-), 3-е л. (по контексту), мн. ч. (флексия -И); синтаксическая функция в предложении – сказуемое. ***ЛЗ*** – данное слово (приставка С- + корень -ТРЯМ- + суффикс -К- + суффикс -А- + суффикс -Л- + флексия -И) имеет корневую морфему, созвучную со словом, взятым из рисованного мультфильма Сергея Козлова «Трям! Здравствуйте». Это ещё раз доказывает целеустановку на детское сознание. Однако у Петрушевской данная лексема имеет другое смысловое наполнение – «съели», что легко воссоздаётся по контексту.

5. И подудонились.

Подудонились – ***ГЗ*** – гл. (подудониться), о чём свидетельствует заключённая в нём семантика действия (что сделали?). Это спрягаемая форма. *ПП* – сов. вид, II спряжение (инфинитив – подудониться), возвратный (постфикс -СЯ со значением «полноты, исчерпанности, проявления действия, истощённость субъекта действием, интенсивность захвата субъекта действием»); *НП* – изъяв. накл., прош. вр. (формообразующий суффикс прош. вр. изъяв. и сослаг. накл. -Л-), 3-е л. (по контексту), мн. ч. (флексия -И); синтаксическая функция в предложении – предикат (сказуемое). ***ЛЗ*** – данное слово, образованное приставочным способом (приставка ПО- со значением «многократное, иногда также поочередное действие, распространённое на все или многие объекты или совершённое всеми или многими субъектами»[1]), имеет корневую морфему -ДУД (-ОН-) – **«дуда́» –** уменьш. ду́дка, диал. также «волынка», «тот, кто пьет много воды», дуди́ть «много пить (особенно воды)»[2]. Следовательно, вполне можно предположить, что здесь реализуется значение «отравились».

6. А Калуша волит – см. предложение № 1, 2.

7. – Оее! Оее! Бутявка-то некузявая!

Оее! Оее! – междометие *ой.* ***Бутявка-то –*** см. предложение № 3. + неопределённая частица ТО. ***Некузявая*** – ***ГЗ*** – прилагательное (прил.) (некузявый), о чём свидетельствует заключённая в нём семантика признака одушевлённого предмета (какая?). *ПП* – качественное; *НП* – положительная степень сравнения, полная форма, Им. п., ед. ч., ж. р. (флексия -АЯ); синтаксическая роль в предложении – предикат. ***ЛЗ.*** Слово состоит из приставки НЕ- со значением «отрицания, полной противоположности того, что выражает слово без этого аффикса»; корневой морфемы -КУЗ- (можно провести параллель с циклом сказок Татьяны Александровой про домовенка Кузю, отличающегося добротой, искренностью, милосердием); суффикса -АВ-/-ЯВ-, «обладающего в качестве отличительного признака тем или содержащего то, что названо мотивирующим словом»[3] и флексии -АЯ. Следовательно, не + добрый/хороший = недобрый/нехороший.

8. Калушата бутявку вычучили.

Калушата – см. предложение № 1. ***Бутявку*** – см. предложение № 2. ***Вычучили*** – ***ГЗ*** – гл. (вычучить), о чём свидетельствует заключённая в нём семантика действия (что сделали?), а именно – «направленность движения изнутри наружу». Это спрягаемая форма. *ПП* – сов. вид, II спряжение (инфинитив – вычучить), невозвратный гл.; *НП* – изъяв. накл., прош. вр. (формообразующий суффикс прош. вр. изъяв. и сослаг. накл. -Л-), 3-е л. (по контексту), мн. ч. (флексия -И); синтаксическая функция в предложении – сказуемое. ***ЛЗ*** – «выплюнули». Данное слово (приставка ВЫ– + корень -ЧУЧ- + суффикс -И- + суффикс -Л-+ флексия -И) имеет корневую морфему -ЧУЧ-, «ср. словен. cúca – то же (наряду с kúca), cúcati “мочиться”. По-видимому, ономатоноэтические образования»[4].

9. Бутявка вздребезнулась, сопритюкнулась и усяпала с напушки.

Бутявка – см. предложения № 2, 3. ***Вздребезнулась*** – ***ГЗ*** – гл. (вздребезнуться), о чём свидетельствует заключённая в нём семантика действия (что сделала?). Это спрягаемая форма. *ПП* – сов. вид, I спряжение (инфинитив – вздребезнуться), возвратный (постфикс -СЯ со значением «движения, совершаемого субъектом»); *НП* – изъяв. накл., прош. вр. (формообразующий суффикс прош. вр. изъяв. и сослаг. накл. -Л-), 3-е л. (по контексту), ед. ч., ж. р. (флексия -А); синтаксическая функция в предложении – предикат (сказуемое). ***ЛЗ*** – «встрепенуться, прийти в себя, встряхнуться… Шутл. контаминация

[1] Русская грамматика: в 2 т. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / редкол. Н. Ю. Шведова [и др.]. – М.: Наука, 1980. – С. 366.

[2] Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vasmer.lexicography.online (дата обращения: 20.07.2018).

[3] Русская грамматика: в 2 т. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / редкол. Н. Ю. Шведова [и др.]. – М.: Наука, 1980. – С. 290.

[4] Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vasmer.lexicography.online (дата обращения: 20.07.2018).

“встрепенуться” и “дребезжать” в гипотетической форме сов»[1]. ***Сопритюкнулась*** – ***ГЗ*** – гл. (сопритюкнуться), о чём свидетельствует заключённая в нём семантика действия/соединения, сближения. Это спрягаемая форма. *ПП* – сов. вид, I спряжение (инфинитив – сопритюкнуться), возвратный гл. (постфикс -СЯ со значением «движения, совершаемого субъектом»); *НП* – изъяв. накл., прош. вр. (формообразующий суффикс прош. вр. изъяв. и сослаг. накл. -Л-), 3 л. (по контексту), ед. ч., ж. р. (флексия -А); синтаксическая функция в предложении – сказуемое. Контекстное ***ЛЗ*** данного слова – «пришла в себя», что можно вывести из его составляющих: приставка СО- (значение «соединения»), приставка ПРИ- (значения «приближения», «присоединения»), корневая морфема -ТЮК- – «большой упакованный свёрток, связка чего-л.»[2], суффикс -НУ- (значение «мгновенности, моментальности»), суффикс -СЯ (значение «совершения движения»). То есть «воссоединилась». ***Усяпала*** – данный гл. образован от гл. сяпать + приставка У- со значением «направленности действия, движения от чего-либо, удаление, устранение, исчезновение чего-либо». Разбор лексемы *сяпала* см. в предложении № 1. Отличительные особенности: сов. вид, 3-е л. (по контексту); **ЛЗ** *усяпать* – «*уйти*». ***… (с) напушки*** – см. предложение № 1. Отличие – Р. п. (флексия -И).

10. А Калуша волит калушатам – см. предложение № 1 + отличительная особенность: Д. п. (флексия -АМ).

11. – Калушаточки! Не трямкайте бутявок, бутявки дюбые и зюмо-зюмо некузявые.

Калушаточки! – см. предложение № 3. ***Не трямкайте*** – ***ГЗ*** – гл. (трямкать), о чём свидетельствует заключённая в нём семантика действия, а именно – каузирование совершения кем-либо определённого действия (что делайте?). Это спрягаемая форма. *ПП* – несов. вид, I спряжение (инфинитив – трямкать), невозвратный; *НП* – императив/повелит. накл., 2-е л., мн. ч. (суффикс -И- и постфикс -ТЕ); синтаксическая функция – сказуемое. ***ЛЗ*** – «не ешьте». См. подробнее предложение № 4. ***Бутявок –*** см. предложение № 2. Отличительные черты: Р. п., мн. ч. (нулевая флексия). ***Бутявки*** – см. предложение № 2. Отличие: Им. п., мн. ч. (флексия -И); синтаксическая роль в предложении – подлежащее. ***Дюбые*** – ***ГЗ*** – прил. (дюбый), о чём сигнализирует заключённая в нём семантика признака одушевлённого предмета (какие?). *ПП* – качественное; *НП* – положительная степень сравнения, полная форма, Им. п., мн. ч. (флексия -ЫЕ); синтаксическая роль в предложении – сказуемое. ***ЛЗ*** – «злой» (ср. дюбые – злые). ***Зюмо-зюмо*** – ***ГЗ*** – наречие (зюмо), о чём сигнализирует заключённая в нём семантика признака признака (как?). *ПП* – неизменяемая часть речи; значение образа действия; в предложении выступает обстоятельством. ***ЛЗ*** – предположительно сильно-сильно, очень-очень. ***Некузявые*** – см. предложение № 7. Отличие – мн. ч.

12. От бутявок дудонятся.

(От) бутявок – см. предложение № 11. ***Дудонятся*** – ***ГЗ*** – гл. (дудониться), о чём свидетельствует заключённая в нём семантика действия (что делают?). Это спрягаемая форма. *ПП* – несов. вид, II спряжение (инфинитив – дудониться), возвратный (постфикс -СЯ со значением «полноты, исчерпанности, проявления действия, истощённость субъекта действием, интенсивность захвата субъекта действием»); *НП* – изъяв. накл., наст. вр. (называемое действие происходит в момент речи; флексия -ЯТ), 3-е л., мн. ч. (флексия -ЯТ); синтаксическая функция в предложении – сказуемое. ***ЛЗ*** – «травятся/происходит отравление».

13. А бутявка волит за напушкой – см. предложения № 1, 3 + за напушкой (за чем?) – Тв. п. (флексия -ОЙ).

14. – Калушата подудонились! – см. предложение № 1, 3.

15. Зюмо некузявые! – см. предложения № 11.

16. Пуськи бятые!

Пуськи – ***ГЗ*** – сущ. (пуська), подтверждением чему служит значение предмета (одушевлённого). *ПП* – нарицательное имя сущ., одушевлённое (совпадение Р. п. и В. п.), ж. р. (флексия -А), 2-е скл. (флексия ж. р. -А); *НП* – мн. ч., Им. п., на что указывает флексия -И и субъектное значение, семантика «тот, кто действует», соответственно, синтаксическая роль в предложении – подлежащее. ***ЛЗ*** – уменьшительно-ласкательное прозвище, «милашки»; ср. «МУСИ-ПУСИ, нескл., м. или ж. (или муси-муси, муси-лямпампуси, муси-люси, музи-зюзи и т. п.). 1. То же, что мусик. 2. В зн. межд. выражает ирон. отношение к собеседнику»[1]. Пуся + уменьшительно-ласкательный суффикс -К-. ***Бятые*** – ***ГЗ*** – прил. (бятый), о чём сигнализирует заключённая в нём семан-

[1] Елистратов В. С. Словарь русского арго: материалы 1980–1990 гг.: около 9000 слов, 3000 идиоматических выражений. – М.: Русские словари, 2000. – С. 62.

[2] Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с. – С. 1357.

тика признака одушевлённого предмета (какие?). *ПП* – качественное; *НП* – положительная степень сравнения, полная форма, Им. п., мн. ч. (флексия -ЫЕ); синтаксическая роль в предложении – определение. ***ЛЗ*** – «плохой», ср. «бя» – «межд., выражающее отвращение, отсюда «бя́ка» – «плохое, дурное» (из детской речи)»[2] – «бякий» – «бятый».

Следовательно, анализ грамматической организации лексем в предложениях, взятых из лингвистической сказки Л. С. Петрушевской, позволяет эвентуально рассмотреть смысловое наполнение всего текста: «Шла птица Калуша с птенцами-калушатами по опушке. И увидела бутявку (особое насекомое) и говорит: “Калушата! Калушаточки! Бутявка!” Калушата пришли и съели бутявку. И отравились. А птица Калуша говорит: “Ой! Ой! А бутявка-то плохая (невкусная)!” Калушата бутявку выплюнули. Бутявка встряхнулась, пришла в себя и ушла с опушки. А Калуша говорит калушатам: “Калушаточки! Не ешьте бутявок, бутявки злые и очень-очень невкусные. От бутявок травятся”. А бутявка говорит за опушкой: “Калушата отравились! Очень нехорошие! Плохие/ужасные милашки (пуськи)!”»

Выводы. Таким образом, можно констатировать на примере реализуемой Л. С. Петрушевской сети псевдолексем валидность в современной лингвистике языковой модели «глокой куздры» Л. В. Щербы, значимость в языке грамматической организации дискурса: морфологическая характеристика слов, состоящих из несуществующих в языке корней и реальных аффиксов, даёт возможность понять авторский замысел, воспроизводит смоделированную им картину происходящего, хотя лексическое значение слов субъективно при экстроспективности их грамматических свойств. Как отметил Л. В. Щерба, несколько художников нарисуют картину по одной фразе, с одной стороны, совершенно по-разному, с другой – одинаково: «Одни представят себе “куздру” в виде стихийной силы – ну, скажем, в виде бури... Вот она убила о скалу какого-то моржеобразного “бокра” и треплет вовсю его детёныша... Другие нарисуют “куздру” как тигрицу, которая сломала шею буйволу и теперь грызет буйволенка. Кто что придумает! Но ведь никто не нарисует слона, который разбил бочку и катает бочонок? Никто! А почему? А потому, что моя фраза подобна алгебраической формуле!» [11, с. 249].

Список литературы

1. Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. Т. 2. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 391 с.
2. Зуева В. В. Об автоматизации лексических единиц в речи в связи с вопросом о классификации контекстов // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Лингвистика. 2009. № 4. С. 15–20.
3. Мехралиева Г. А. О системе заглавий сказок Л. Петрушевской // Вестник Череповецкого государственного университета. 2011. Т. 4, № 35–3. С. 97–101.
4. Мехралиева Г. А. Литературная сказка в творчестве Л. С. Петрушевской: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.01.01. Петразаводск, 2012. 24 с.
5. Миколайчик В. И. Об актуальной проблеме теоретической грамматики // Учёные записки Российского государственного социального университета. 2012. № 4. С. 112–117.
6. Назметдинова И. С., Ильинская О. К. Лингвистическая сказка Л. Петрушевской «Пуськи бятые» как объект редактирования // Наука и инновации в XXI веке: актуальные вопросы, открытия и достижения: сб. статей VIII междунар. науч.-практ. конф.: в 3 ч. Пенза, 2018. С. 49–54.
7. Павлова Ю. В. Проблемы поэтики сказок Л. С. Петрушевской: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.01.01. Тверь, 2006. 22 с.
8. Прохорова Т. Г. Проза Л. Петрушевской как система дискурсов: автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.01.01. Казань, 2008. 48 с.
9. Самарин Д. А. Представления В. А. Богородицкого и Л. В. Щербы о природе нормы литературного языка // Достижения и проблемы современной науки: материалы междунар. науч.-практ. конф. / отв. редактор А. А. Сукиасян. Уфа, 2015. С. 151–155.
10. Трахинин Е. Л. «Глокая куздра» в лингвистическом освещении (к постановке проблемы) // Общество и человек. 2012. № 1. С. 44–45.
11. Успенский Л. В. Слово о словах (очерки о языке). Л.: Детгиз, 1954. 296 с.
12. Флоря А. В. К вопросу о русской неологии // Вестник Оренбургского государственного университета. 2000. № 2. С. 4–8.
13. Чечулина Л. С. Функционально-семантический аспект изучения грамматики // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2016. № 14. С. 329–336.

[1] Елистратов В. С. Словарь русского арго: материалы 1980–1990 гг.: около 9000 слов, 3000 идиоматических выражений. – М.: Русские словари, 2000. – С. 259.

[2] Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vasmer.lexicography.online (дата обращения: 20.07.2018).

14. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. 190 с.
15. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. 428 с.

Статья поступила в редакцию 25.07.2018; принята к публикации 30.08.2018

Библиографическое описание статьи

Дохова З. Р., Урусов Р. Х. Языковая модель «глокой куздры» Л. В. Щербы (на материале лингвистической сказки «Пуськи бятые» Л. С. Петрушевской) // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 5. С. 23–31. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-5-23-31.

Zalina R. Dokhova[1],
Candidate of Philology, Associate Professor,
Berbekov Kabardino-Balkarian State University
(173 Chernyshevskogo st., Nalchik, 360004, Russia),
e-mail: dohovaz@mail.ru

Ruslan Kh. Urusov[2],
Senior Lecturer,
Berbekov Kabardino-Balkarian State University
(173 Chernyshevskogo st., Nalchik, 360004, Russia),
e-mail: urkbr07@mail.ru

The Language Model of “Glokoy kuzdra” by L. V. Shcherba (on the Material of the Linguistic Fairy Tale *Puski byatye* by L. S. Petrushevskaya)

The language model of L. V. Shcherba which illustrates a significant role of grammatical form and grammatical categories in the language is considered in the given article. The topicality of the linguistic concept of the “glokoy kuzdra” presenting the functional scientific approach to the description of the language units which is based on the semantic organization of the language is caused by the creation of the “abstruse” lexical units materializing the philological phenomenon analyzed in the work in the modern art prosaic discourse. It is proved by a rather wide range of new words (neologisms) which are represented in the collection of linguistic fairy tales by L. S. Petrushevskaya, one of which was the material for the study. The analyzed language units allowed us to single out such main ways of formation of the individual and author’s nonce words realized by the writer as a glossolalia and an experimental word creation of adlibitum. The quasi lexemes created as the result of language game intensify the language systemacy most fully by means of grammar. The novelty of the research is the detailed linguistic analysis of all occasional lexoids that are found in the “new” text from the point of view of grammatical and lexical meanings. Besides, the semantic interpretation of the considered discourse which is of hypothetical character because it represents the subjective vision of the question which is brought up in the given article.

Keywords: language model, grammatical form, nonce words, glossolalia, experimental word creation, grammatical/lexical meaning

References

1. Boduen de Kurtene, I. A. Selected works on general linguistics. In 2 volumes. V. 2. M: USSR Academy of Sciences, 1963. (In Rus.)
2. Zueva, V. V. On the automation of lexical units in speech in connection with the question of classification of contexts. Bulletine of the Russian University of Peoples’ Friendship. Series: Linguistics, no. 4, pp. 15–20, 2009. (In Rus.)
3. Mehralieva, G. A. On the system of fairy tale titles by L. Petrushevskaya. Bulletin of the Cherepovets State University. V. 4, no. 35–3, pp. 97–101, 2011. (In Rus.)
4. Mehralieva, G. A. Literary fairy tale in the works of L. S. Petrushevskaya. Cand. philol. sci. diss. abstr. Petrozavodsk, 2012. (In Rus.)
5. Mikolaichik, V. I. About the urgent problem of theoretical grammar. Memoirs of the Russian State social University, no. 4, pp. 112–117, 2012. (In Rus.)

[1] Z. R. Dokhova: analysis and systematization of research material, preparation of the manuscript.
[2] R. Kh. Urusov: analysis of research material, preparation of the manuscript.

6. Nazmetdinova, I. S., Il¢inskaja, O. K. Linguistic tale by L. Petrushevskaya “Pus¢ki bjatye” as an object for editing. Science and innovation in the 21st century: issues, discoveries and achievements. A collection of articles of VIII international scientific and practical conference. In 3 p., 2018: 49–54. (In Rus.)
7. Pavlova, U. V. Problems of poetics of fairy tales of L. S. Petrushevskaya. Cand. philol. sci. diss.Tver, 2006. (In Rus.)
8. Prokhorova, T. G. Prose of L. Petrushevskaya as a system of discourses. Dr. philiol. sci. diss. abstr. Kazan, 2008. (In Rus.)
9. Samarin, D. A. Representations of V. A. Bogoroditsky and L. V. Shcherbov about the nature of the norm of the literary language. Achievements and problems of modern science: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. 2015: 151–155. (In Rus.)
10. Trahinin, E. L. “Glokaya kuzdra” in the linguistic coverage (to the problem). The society and people. No. 1, pp. 44–45, 2012. (In Rus.)
11. Uspensky L. V. A word about words (essays on language). Leningrad: Detgiz, 1954. (In Rus.)
12. Florya A. V. On the Question of Russian Neology. Bulletin of the Orenburg State University, no. 2, pp. 4–8, 2000. (In Rus.).
13. Chechulina, L. S. The Functional-Semantic Aspect of the Study of Grammar. Psycholinguistic Aspects of the Study of Speech Activity, no. 14, pp. 329–336, 2016. (In Rus.)
14. Shcherba, L. V. Selected works on the Russian language. M: Uchpedgiz, 1957. (In Rus.)
15. Shcherba, L. V. Language system and speech activity. L: Nauka, 1974. (In Rus.)

Received: July 25, 2018; accepted for publication August 30, 2018

Reference to the article

Dokhova Z. R., Urusov R. Kh. The Language Model of “Glokoy kuzdra” by L. V. Shcherba (on the Material of the Linguistic Fairy Tale *Puski byatye* by L. S. Petrushevskaya) // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 5. PP. 23–31.DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-5-23-31.